

О. А. Гаврилова, М. В. Ходяков

Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг.¹

Вопросы нормированного снабжения населения страны в годы Великой Отечественной войны, в том числе обеспечение продовольствием жителей блокадного Ленинграда, неоднократно освещались в трудах отечественных и зарубежных авторов². Сегодня при анализе многочисленных научных проблем, связанных с битвой за Ленинград, наибольший общественный интерес вызывает неоспоримое наличие блокадного неравенства³, обусловленного существовавшей системой привилегий и нормированного снабжения⁴.

Не существует ни одного исследования, посвященного обороне Ленинграда в годы минувшей войны, в котором не было бы упоминания о нормированном распределении продовольствия в осажденном городе. Нет ни одной книги блокадных воспоминаний, где не говорилось бы о карточках на продовольствие и многочисленных проблемах их отоваривания. Вместе с тем сведения о механизме принятия решений, связанных с изготовлением продовольственных карточек, чрезвычайно скудны. Как и данные о людях, которым по долгу службы приходилось решать эти и многие другие вопросы карточной системы.

В настоящей статье⁵ авторы, опираясь на комплекс архивных материалов, характеризуют начальный этап функционирования карточной системы в Ленинграде, делая акцент преимущественно на вопросах, связанных с производством карточек в 1941-м – начале 1943 г. Эти проблемы до настоящего времени были практически обойдены вниманием исследователей. Между тем количество талонов и карточек в стране на протяжении войны увеличивалось год от года: в 1941 г. печаталось 12 видов

Гаврилова

Ольга Александровна,
кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Ходяков

Михаил Викторович,
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

карточек, в 1942 г. — 51 вид, в 1943 г. — 112 видов, в 1944 г. насчитывалось в среднем 130–135 разновидностей талонов и карточек: по Москве — 149, а по Ленинграду — 171⁶.

Карточная система для Ленинграда (как и для всей страны) не была явлением уникальным. С началом Первой мировой войны были введены первые образцы карточек на различные продукты питания — сахар, масло, хлеб и т. д. Появившись осенью 1916 г., карточки стали неотъемлемой частью жизни страны — сначала царской России, а затем России советской⁷. На протяжении первой половины 1930-х гг. изготовлением в Ленинграде продовольственных карточек, талонов, пропусков в закрытые распределители и столовые, заборных книжек и карточек ударников были заняты свыше десятка типографий⁸. Так, типография Академии наук только за пять месяцев 1935 г. отпечатала разные обеденные талоны на общую сумму 65,6 тыс. руб. А директор Института Внешней торговли за весну 1935 г. выдал студентам обеденные талоны, изготовленные на ротаторе, на сумму почти 24 тыс. руб. По данным проверочной комиссии, подобные случаи носили массовый характер⁹. Официальное упразднение карточек в СССР происходило в течение 1935 г.¹⁰

Осенью 1939 г. нарком торговли А. В. Любимов в письме В. М. Молотову поставил вопрос о введении карточек на продукты питания и предметы широкого потребления. Спустя год он вновь повторил свое предложение¹¹. Карточная система, не признанная СНК и Политбюро официально, тем не менее, тогда уже существовала в целом ряде городов. Она создавалась инициативой «снизу» и санкциями местного руководства (городские, районные, областные исполкомы и комитеты партии, торговделы). Были случаи, когда карточная система вводилась решениями СНК союзных и автономных республик, республиканских наркоматов торговли¹².

Вопрос об официальном возврате к нормированному распределению продуктов питания был вновь поднят уже после начала Великой Отечественной войны — 25 июня 1941 г. он обсуждался на совещании у заместителя председателя СНК СССР Н. А. Булганина¹³. Вслед за этим к решению ряда технических задач по подготовке к выпуску карточек активно подключился наркомат торговли СССР (далее — НКТ). 12 июля 1941 г. за подписью наркома А. В. Любимова в адрес наркоматов союзных и автономных республик, заведующих облкрайторготделами был направлен секретный проект приказа НКТ СССР «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары и образцы хлебных, продовольственных и промтоварных карточек»¹⁴. В данном документе отмечалось, что проект приказа НКТ СССР «правительством одобрен», хотя пока и не принят. Одновременно подчеркивалось, что «если проект приказа будет правительством утвержден, Вы получите телеграфное указание о проведении его в жизнь»¹⁵. Видимо, будучи уверенным в том, что приказ в ближайшее время будет утвержден, НКТ СССР предлагал руководителям торговли на местах немедленно приступить к разработке организационных мероприятий по подготовке к введению карточной системы. В частности, они должны

были определить контингенты по каждому списку снабжения в соответствии с утвержденными фондами товаров на III квартал 1941 г., разработать нормы по выдаче населению мяса, рыбы, масла животного и растительного, хлеба, крупы, макарон и т. д. Отдельно в проекте приказа следует отметить пункт 3, содержание которого не оставляло сомнений относительно того, что производство карточек возлагалось на местные органы власти: «Подготовить бумагу для изготовления карточек, стандартных справок и форм отчетности»¹⁶.

В приложении к приказу содержались образцы продовольственных и промтоварных и карточек с различными нормами выдачи. Так, по хлебным карточкам населению в тот момент времени полагалось: от 1000 г для рабочих, занятых на подземных работах, до 400 г для иждивенцев и детей. Образцы хлебных карточек были рассчитаны на 15 дней июля 1941 г. Планировалось, что «в дальнейшем хлебные карточки должны изготавливаться сроком на один месяц с соответствующим увеличением размера карточек»¹⁷.

Как и предполагал нарком торговли А. В. Любимов, правительство вскоре утвердило разработанный в НКТ СССР проект приказа. 16 июля 1941 г. в соответствии с постановлением СНК СССР бюро Ленинградского горкома ВКП(б) (далее — ЛГК) приняло решение о введении с 18 июля в Ленинграде продажи по карточкам «некоторых продовольственных и промышленных товаров»¹⁸. Устанавливалось «организационное построение аппарата» по выдаче карточек: городское управление при исполкоме Ленинградского городского Совета; районные отделения по учету и выдаче карточек при исполкомах районных Советов; участковые бюро по учету и выдаче карточек по районам Ленинграда. В Василеостровском, Дзержинском, Кировском и Ленинском районах предполагалось создать 3 участковых бюро, в Володарском, Куйбышевском, Смольнинском, Приморском и Фрунзенском районах — по 4 бюро, в Выборгском, Красногвардейском и Московском районах — по 5 бюро, в Октябрьском и Петроградском районах — по 6 бюро, в Свердловском — 2. В Колпино, Кронштадте, Пушкине и Петергофе предусматривалось ограничиться организацией районных отделений учета и выдачи карточек. Тогда же начальником городского управления по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек при исполкоме Ленгорсовета был утвержден И. Г. Стожилов. Райкомам ВКП(б) и исполкомам районных Советов поручалось «обеспечить раздачу карточек трудящимся не позднее 17 июля»¹⁹. Подобная оперативность в столь непростом вопросе, как изготовление и выдача карточек в городе с населением около 3 млн человек²⁰, свидетельствовала лишь об одном: изготовление месячной нормы карточек на продовольственные и промышленные товары к тому времени было уже завершено²¹.

И. Г. Стожилов, излагая в 1946 г. свою автобиографию, отмечал: «В Ленинградском Горкоме ВКП(б) я работал 4 года (с 1940 до 1944). В начале Великой Отечественной войны Горком ВКП(б) поручил мне организовать карточную систему снабжения населения Ленинграда. Наряду с работой в партийном аппарате я стал во главе Управления

по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек и только лишь в мае 1942 г. я был освобожден от этой обязанности»²². Важно подчеркнуть, что данное управление контролировало производство карточек, а с весны 1942 г. являлось одним из основных источников для партийных и советских органов при определении численности населения Ленинграда²³. В мае 1942 г., когда И. Г. Стожилов был переведен на работу в отдел торговли, управление возглавил С. А. Трифионов.

В «Отчете о ленинградской торговле» за период с июня 1941 г. по сентябрь 1943 г., который был подписан заместителем председателя Ленгорисполкома и заведующим отделом торговли И. А. Андреенко, говорилось о том, что до декабря 1941 г. продажа по карточкам продовольственных товаров населению в магазинах производилась с подекадной разбивкой месячных норм, которые объявлялись приказами отдела торговли Ленгорисполкома. Причем в июле–сентябре объявление норм продажи производилось один раз в месяц с разбивкой месячной нормы по декадам, а с октября по декабрь 1941 г. объявлялись только нормы выдачи продуктов на декаду. Продажа товаров населению производилась по карточкам на соответствующий месяц «в любом магазине без прикрепления»²⁴.

26 июля 1941 г. Ленгорисполком утвердил несколько инструкций, которые регулировали процесс выдачи карточек: разбивку «контингентов по группам в зависимости от установленных норм снабжения», порядок выдачи разовых талонов на хлеб, составление списка трудящихся на выдачу карточек²⁵, а также 10 форм бланков²⁶, что должно было обеспечить их строгую отчетность. Карточки были именными, с печатью организации, выдавшей их. В правилах выдачи подчеркивалось, что утерянные продовольственные и промтоварные карточки не возобновляются²⁷.

В тот же день Ленгорисполком принял решение «О выдаче продовольственных карточек на август месяц 1941 г.». Городскому управлению по учету и выдаче

Продовольственные карточки
 лета 1941 г.

Продовольственные карточки лета 1941 г.

продовольственных и промтоварных карточек, райисполкомам, руководителям предприятий и учреждений, управляющим домохозяйствами предписывалось к 30 июля выдать населению продовольственные карточки на следующий месяц²⁸.

В дальнейшем выдача карточек регламентировалась решениями горисполкома от 22 августа, 27 октября, 26 ноября, 25 и 31 декабря 1941 г. Таким образом, до конца 1941 г. правила и инструкции по выдаче карточек неоднократно менялись. Они были направлены на ужесточение контроля за выдачей и уточнения контингентов, пользующихся рабочей карточкой. 6 октября 1941 г. горисполком постановил, что при утере продкарточки могут быть возобновлены по разрешению начальника городского бюро И. Г. Стожилова²⁹.

10 октября 1941 г. по предложению П. С. Попкова Ленгорисполком издал распоряжение о проведении в середине каждого месяца перерегистрации карточек с целью предупреждения возможности использования мошенниками фальшивок³⁰. На сентябрь 1941 г. городским управлением по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек было выдано 2 489,4 тыс. комплектов карточек, а на октябрь — 2 443,4 тыс.³¹ С января 1942 г. возобновлением карточек стали заниматься райисполкомы³². До июня 1942 г., когда порядок выдачи карточек был изменен, Ленгорисполком принял 11 решений (не считая постановлений о перерегистрации карточек), ужесточивших контроль за их выдачей и распределением³³.

Несмотря на активную деятельность большинства руководящих работников Ленинграда³⁴, широкие слои населения в первые недели и месяцы войны не покидала тревога. «Видимо, “актив” удержит, а нас оставят», — записала 18 августа 1941 г. в своем дневнике О. Берггольц³⁵. Не получая достоверной информации, ленинградцы были вы-

нуждены питаться слухами: «И хоть бы чей-нибудь голос раздался — из правителей! Нет, молчат!» — с горечью отмечала известная поэтесса 19 августа³⁶. 2 сентября 1941 г., за несколько дней до того, как замкнулось кольцо блокады, она пишет об «абсолютной растерянности предержавших властей»³⁷. Вопреки высказывавшимся опасениям, руководители города не «удрали», они оставались на своих местах, стремясь исправить многочисленные ошибки предвоенных лет, связанные с неготовностью города к нападению врага.

Значение карточек в повседневной жизни населением было осознано не сразу. Историк А. Р. Дзенискевич в одной из своих работ привел эмоциональную оценку ситуации, связанную с отказом части ленинградцев летом 1941 г. покинуть город: «Никуда мы не поедим! Карточки не дадите? Подавитесь ими!»³⁸ В то время ленинградцы далеко не всегда выкупали положенные им по карточкам продукты³⁹. Многие верили в то, что запасов продовольствия в городе хватит на несколько лет. Однако уже осенью ситуация меняется. 27 ноября 1941 г. О. Берггольц записала в своем дневнике: «Честное слово, на содержание поступила бы к какому-нибудь генералу, только чтоб кормил...» А через день, 29 ноября, добавляла: «Вот теперь, пожалуй, я уехала бы из Ленинграда. Очень донимает голодовка»⁴⁰.

К тому времени приказом отдела торговли исполкома Ленгорсовета от 27 ноября 1941 г. было принято решение ввести с 1 декабря обязательное прикрепление населения города к продовольственным магазинам для покупок товаров по продовольственным карточкам, выданным на декабрь. При этом «прикрепление по хлебным карточкам» не производилось. Каждому владельцу карточки предоставлялось право прикрепляться к любому продовольственному магазину, расположенному на территории Ленинграда. Прикрепительным талоном служила отрезаемая от продовольственной карточки ее верхняя часть, на которой указывалось: «карточка на масло животное и растительное», «карточка на сахар и кондитерские изделия», «карточка на крупу и макарон», «мясо и мясопродукты». При этом на карточке должны были сохраняться: буква (указывающая категорию карточки), месяц (на который выдана карточка), фамилия, имя, отчество ее владельца и незаполненная часть карточки со словом «Ленинград». В этом месте работником магазина ставился штамп, удостоверяющий факт прикрепления данной карточки к указанному магазину. Прикрепительные талоны, то есть вырезки из продовольственных карточек со словами «карточка на масло» и т. д., магазины должны были хранить как документы строгой отчетности, руководствуясь их количеством при исчислении необходимых продовольственных товаров для завоза в магазин. Отпуск товаров по продовольственным карточкам со штампом другого магазина запрещался⁴¹.

Изготовление карточек было возложено на управление издательств и полиграфии исполкома Ленгорсовета, которое объединяло 5 типографий, однако некоторые из них

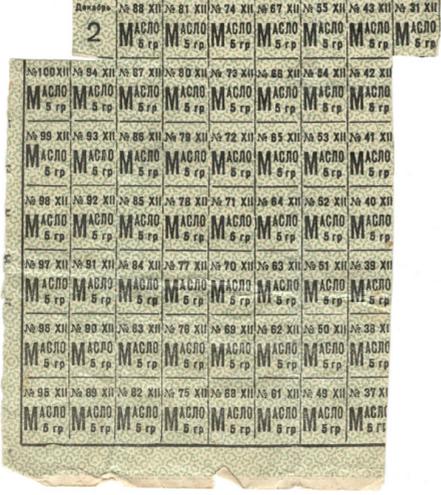
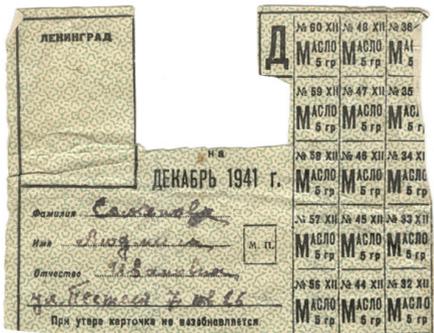
в годы войны были законсервированы⁴². Наиболее мощной из всех считалась типография им. Володарского (типография № 1), которая, по оценке директора «Лениздата» Быстрова, была «по существу типографией обкома ВКП(б)»⁴³. В начале войны она выпускала немало политической литературы, а также газеты «Ленинградская правда» и «Красный Балтийский флот». Партийный комитет типографии на своих заседаниях регулярно рассматривал вопросы о производстве продовольственных карточек. Так, 20 ноября 1941 г. партком обсуждал ряд важных проблем, напрямую связанных с выполнением «ответственной политической задачи» — изготовлением карточек на январь 1942 г. В ходе заседания отмечалось, что печатать продуктовые и промтоварные карточки будут на 10 машинах, к которым никого из посторонних решено было не допускать. При этом предполагалось, что количество контролеров в каждой смене не будет превышать четырех человек. Как заметил секретарь партбюро фабрики С. Д. Дедюев, «Контролеры у машин не должны спать, а зорко следить за работой». Одновременно с этим планировалось присутствие в типографии и «представителей от Городского бюро по учету и выдаче продкарточек». В 1941 г. для печати карточек использовалась «Гознаковская бумага»⁴⁴ с водяными знаками.

Расположение типографии им. Володарского (набережная р. Фонтанки, д. 57) в непосредственной близости от фабрики, производившей бумагу (набережная р. Фонтанки, д. 144), делало удобным доставку бумаги на склады типографии. Незадолго до начала войны Ленинградская бумажная фабрика «Гознак» освоила производство специальной бумаги «ЛИН» с пониженным «показателем продавливаемости», которая была отнесена в разряд «важнейших бумаг»⁴⁵. Несколько позже, в июле 1941 г., на фабрике стали отливать бумагу «ПИК», покрывавшуюся защитным слоем — желатиновым раствором. Лабораторные опыты, связанные с пропиткой бумаги клеевыми растворами и ее «парафинированием», продолжались вплоть до ноября 1941 г.⁴⁶ На протяжении августа – сентября на фабрике было произведено 106 687 кг бумаги «ПИК» 1 сорта и 9 814 кг — 2 сорта⁴⁷. Бумага выпускалась в рулонах диаметром до 400 мм, обладала высоким сопротивлением излому (что имело большое значение для печатавшихся карточек) — число двойных перегибов по обоим направлениям составляло не менее 325⁴⁸.

Деятельность типографии им. Володарского, включившейся в процесс изготовления карточек, находилась под пристальным вниманием партийно-советского руководства Ленинграда. Об этом наглядно свидетельствует постановление исполкома Ленгорсовета и бюро ЛГК от 4 февраля 1942 г. «О печатании продовольственных карточек на март 1942 г.»⁴⁹ К этому времени по причине свертывания деятельности Ленинградской бумажной фабрики и общего падения производства явно обозначились проблемы с качеством печати карточек. В соответствии с решением Ленгорсовета и бюро ЛГК, управление по учету и выдаче карточек получило возможность отказаться от использования бумаги с водяными знаками и организовывать печать карточек «на безузорной писчей бумаге».

Продовольственные карточки за сентябрь – декабрь 1941 г.

Продовольственные карточки за сентябрь–декабрь 1941 г.

Директор типографии им. Володарского был обязан к 16 февраля организовать изготовление продовольственных карточек на март. Разумеется, что в этой связи чрезвычайно актуальным являлся вопрос о бумаге, на которой предполагалось печатать карточки. Было решено задействовать ресурсы фабрики «Гознак», директору которой поручалось выделить «12 тонн писчей бумаги плотностью 80 грамм». Еще 20 т бумаги для карточек должна была выделить Ленинградская контора «Главбумсбыт». Одновременно с этим И. Г. Стожилову и директору фабрики «Гознак» П. М. Хмельнову поручалось «отобрать из наличия бумажных запасов, находящихся на складах этой фабрики, бумагу, пригодную для печатания продовольственных карточек, и зарезервировать ее»⁵⁰.

Подобное развитие событий было вполне предсказуемым. После начала войны Ленинградскую бумажную фабрику перепрофилировали на выпуск продукции военного назначения, а часть сотрудников эвакуировали в г. Краснокамск. Там изготовление продовольственных карточек для жителей Молотовской области шло полным ходом⁵¹, а вот для Ленинградской бумажной фабрики таких возможностей не оставалось. В ноябре 1941 г. подача электроэнергии для нее была прекращена, производство остановлено, а оборудование законсервировано⁵².

О важности постановления исполкома Ленгорсовета и бюро ЛГК, принятого 4 февраля 1942 г., свидетельствует и тот факт, что начальнику транспортного управления исполкома Ленгорсовета поручалось осуществить перевозку всей необходимой бумаги «для печатания мартовских продовольственных карточек» уже к 5 февраля. К этому же времени отдел кадров ЛГК должен был выделить 40 человек «из партийного и советского актива», на которых возлагались обязанности «контролеров во время печатания карточек в типографии им. Володарского»⁵³.

Постановление 4 февраля представляет значительный интерес с точки зрения сроков, определенных для выполнения важного заказа: 5 февраля 1942 г. бумага для карточек должна была поступить в типографию; к 16 февраля типография была обязана отпечатать карточки; а в период с 20 по 25 февраля И. Г. Стожилову было необходимо организовать выдачу карточек жителям города⁵⁴. К марту 1942 г. ленинградцы получили 1 912,4 тыс. карточек, что было на 239,5 тыс. меньше по сравнению с февралем⁵⁵.

Условия, в которых происходило изготовление карточек, не могли не отразиться на качестве выпускаемой продукции. На 1 декабря 1941 г. из 271 квалифицированного рабочего-мужчины 130 человек (48 %) находились в армии. За декабрь в результате высокой смертности количество рабочих уменьшилось еще на 23 человека. Из 104 человек (по списку на 1 января 1942 г.) 43 рабочих были серьезно больны⁵⁶. Не случайно, что начальник управления издательств и полиграфии в своем письме П. С. Попкову от 7 февраля 1942 г. сообщал о тяжелых условиях работы на фабрике им. Володарского, связанных с высокой заболеваемостью рабочих в результате свинцового отравления⁵⁷. В апреле 1942 г.

в письме, направленном в исполком Ленгорсовета, он вновь отмечал тяжелые условия работы в типографии. Одновременно с этим начальник управления ставил вопрос о нейтрализации вредных воздействий свинца, если не «систематическим отпуском некоторого количества пива», то, по крайней мере, «ежедневной выдачей рабочим вредных цехов ½ литра молока или взамен его 25–30 грамм жиров»⁵⁸.

25 марта 1942 г. на заседании партбюро типографии подводились итоги «окончания печати и сдачи продкарточек на апрель месяц»⁵⁹. При этом были отмечены многочисленные трудности и недоработки технического характера. Незадолго до заседания партбюро директор типографии снял с занимаемой должности начальника цеха, в котором осуществлялась печать карточек. Выступление на заседании партбюро технического директора типографии Ф. Г. Фридлянда (ставшего в июле 1942 г. ее директором⁶⁰) высветило целый ряд проблем — технических, социальных, организационных. Так, характеризуя работу типографии в октябре 1941 г., Ф. Г. Фридлянд заметил: в тот момент времени карточки печатались с клише, что давало более высокое качество печати. При наборе, который стал использоваться позже, пропечатывался не весь текст, в результате на карточках получались «битые буквы». Тогда же Ф. Г. Фридлянд в очередной раз предложил поставить перед Ленгорсоветом вопрос о дополнительном питании 150 человек, занятых производством карточек, в том числе наборщиков и переплетчиков. Чрезвычайные условия блокады поставили под угрозу срыва выполнение задания ЛГК и Ленсовета, подразумевавшее сдачу карточек к 18 марта 1942 г. Типография закончила свою работу лишь 20 марта. При этом сами сотрудники типографии оценивали качество своей продукции как «очень низкое» и «абсолютно низкое»⁶¹.

16 июня 1942 г. начальник управления издательств и полиграфии исполкома Ленгорсовета Л. С. Грушко в своем письме, направленном в отдел кадров ЛГК, изложил проект перенесения производственного процесса из типографии им. Володарского в другую типографию управления издательств и полиграфии — в типографию № 4 (Глазковая ул., д. 7). При этом он отмечал: «Это небольшое типизированное производство, которое в ближайшее время мы предполагаем использовать для печатания документов строгой отчетности, в основном продуктовых и промтоварных карточек. Печатание карточек в типографии им. Володарского и типографии № 2⁶², производимое наряду с выпуском изданий иного порядка, не может быть обеспечено надлежащим контролем и, следовательно, возможны случаи утрат и хищений. В развитие указаний исполкома Ленгорсовета и Ленгорлита печатание карточек мы обязаны сосредоточить на самостоятельном предприятии, что и будет осуществлено после завершения подготовительных к этому мероприятий в типографии № 4»⁶³.

Однако дальше легкомысленного проекта по переносу печати документов строгой отчетности в малоприспособленную для этого типографию дело, по всей видимости,

Продовольственные карточки 1942 г.

Продовольственные карточки 1942 г.

не пошло. Во-первых, типография № 4 им. Н. Григорьева была открыта после консервации решением исполкома Ленгорсовета от 30 апреля 1942 г. лишь для «выпуска изделий без применения электроэнергии», то есть в ней использовался исключительно «ручной труд». Во-вторых, численность занятых на ней рабочих составляла лишь 120 человек (в типографии им. Володарского к этому времени работали 915 человек)⁶⁴. В-третьих, годовые отчеты о деятельности типографий, входивших в состав управления издательств и полиграфии (в том числе типографии № 4), не содержат документов о производстве продовольственных карточек в 1942 г.⁶⁵

Более того, как явствует из письма начальника управления издательств и полиграфии Л. С. Грушко и директора типографии им. Володарского Ф. Г. Фридлянда, направленного 14 июля 1942 г. секретарю исполкома Ленгорсовета Н. И. Пономареву и начальнику управления по учету и выдаче карточек С. А. Трифонову, именно в это время изготовление необходимого количества карточек было поставлено под угрозу. 11 июля 1942 г. полиграфисты получили выписку из решения суженного заседания исполкома Ленгорсовета за № 383-с «О печатании продовольственных карточек на август месяц и месячного резервного тиража их»⁶⁶. В решении также указывалось, что типография им. Володарского должна была сдать отпечатанные карточки к 18 июля 1942 г., а резервный тираж — к 23 июля. Указание городского руководства директор типографии и начальник управления издательств и полиграфии встретили с недоумением. Они указывали на то, что изготовление карточек на август началось 8 июля. Через 10 дней, то есть 18 июля, тираж, по их заверениям, будет готов. Но при этом подчеркивали, что «отпечатать и сдать резервный тираж, печатающийся в таком же количестве, как и августовские карточки, в течение 5 суток не представляется возможным»⁶⁷. В результате директор типографии и начальник управления издательств и полиграфии были вынуждены не только ходатайствовать перед Ленсоветом «об изменении срока окончания печатания резервного тиража продовольственных карточек», но и сформулировать просьбу о подготовке будущих решений городского руководства «при участии полиграфистов, строго учитывая при этом производственные возможности предприятия»⁶⁸.

Некоторое улучшение ситуации с печатью карточек произошло во второй половине 1942 г. В третьем квартале в типографии им. Володарского был подготовлен к пуску офсет, что помимо улучшения качества продовольственных карточек привело к значительной экономии средств — свыше 250 тыс. руб. в год. Одновременно с этим снижалась загрузка печатных цехов с резким сокращением сверхурочных работ по данному заказу. В результате на заседании партийно-хозяйственного актива типографии, состоявшегося 21 октября 1942 г., отмечалось, что теперь «заказы по печатанию карточек выполняются раньше срока»⁶⁹.

В ноябре 1942 г. исполком Ленгорсовета принял проект решения «О печатании продовольственных карточек на декабрь месяц 1942 г.»⁷⁰ В соответствии с этим документом

городскому управлению по учету и выдаче карточек предписывалось внести некоторые изменения в процесс печати карточек. В частности, в декабрьских карточках для столовых было необходимо предусмотреть талоны для блюд, «приготавливаемых из сырья, полученного сверх фондов, причитающихся по карточкам». Кроме того, талоны на разовые товары на карточках для столовых и на продовольственных магазинных карточках должны были печататься «под одинаковым номером». Одновременно с этим в продовольственных карточках для магазинов предписывалось «печатать мясо и масло вместе», то есть на одной карточке⁷¹. К тому времени, в соответствии с постановлением Военного Совета Ленфронта от 18 октября 1942 г., в городе был реализован «план закладки неприкосновенного запаса продовольствия для снабжения населения и войск внутренней обороны города Ленинграда»⁷².

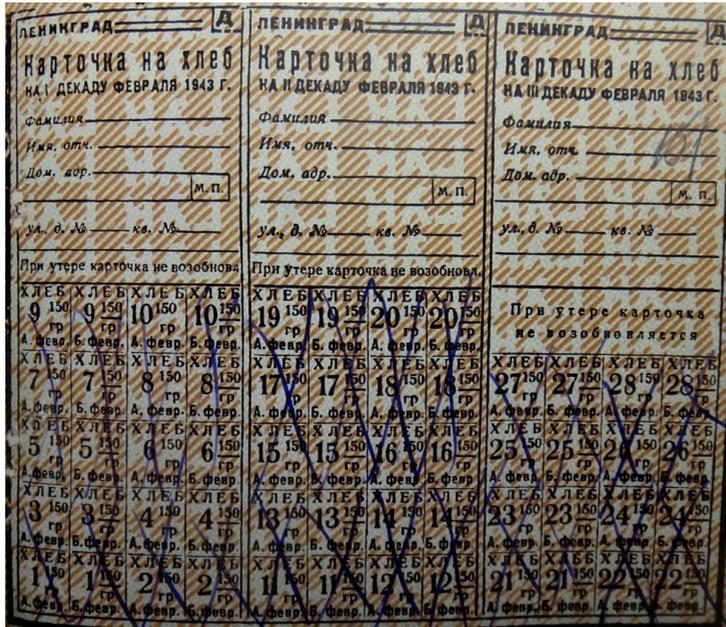
Спустя несколько дней после прорыва блокады, 22 января 1943 г., на «суженном заседании» исполкома Ленгорсовета было принято решение об изготовлении на февраль 560 тыс. продовольственных карточек: 340 тыс. — для рабочих, 60 тыс. — для служащих, 60 тыс. — для иждивенцев и 100 тыс. для детей⁷³.

В ходе производства ценной продукции на всем протяжении войны фиксировались случаи, которые тогда характеризовались как «разбазаривание карточек»⁷⁴. Это противоречит устоявшейся в литературе точке зрения, согласно которой в процессе изготовления карточек «...ни один комплект из цеха не ушел налево, ни один сотрудник даже не попытался сунуть в карман комплект карточек...»⁷⁵ В действительности, злоупотребления в этой сфере были зафиксированы уже осенью 1941 г. Так, 16 ноября 1941 г. начальник управления милиции Ленинграда старший майор милиции Е. Грушко докладывал А.А. Кузнецову о том, что органами милиции вскрыты две организованные группы «незаконно изготавливавшие продовольственные карточки». Одну из них как раз и составили работники типографии им. Володарского в количестве 8 человек. Во главе с мастером Б. они организовали изготовление «фиктивных продкарточек», пользуясь при этом пробными бланками, подлежащими списанию и уничтожению⁷⁶.

Несмотря на принятые меры, полностью искоренить пропажи продовольственных карточек из печатного цеха все же не удалось. Так, на заседании партбюро типографии им. Володарского 25 марта 1942 г. прямо говорилось о недостатках в ходе выполнения заказа по изготовлению карточек. При этом указывалось на то, что в одной из пачек уже отпечатанных карточек обнаружилась недостача 9 штук, в другой пачке оказалось 6 «лишних» карточек, а в третьей были выявлены 3 бракованных карточки. Тогда же в печатном цехе были украдены 3 рабочих карточки и 2 карточки служащих⁷⁷. Один из членов партбюро, характеризуя сложившуюся ситуацию, заметил: «Так дальше работать нельзя. Мы имеем случаи хищения и подделок продкарточек... В отношении печатников положение напряженное, ими надо теперь же заняться»⁷⁸.

Образцы продовольственных карточек за январь – февраль 1943 гг.⁸¹

Образцы продовольственных карточек за январь – февраль 1943 гг.⁸¹

Невысоким оставалось и качество изготовлявшихся продовольственных карточек. Неслучайно сотрудники типографии в феврале 1943 г. были вынуждены констатировать их низкое качество⁷⁹. Всего, как явствует из годового финансового отчета типографии им. Володарского, в 1941 г. ею было изготовлено 38 424 тыс. экземпляров продовольственных карточек, а в 1942 г. — 29 056 тыс. экземпляров. Одновременно с этим в типографии за 1941–1942 гг. были отпечатаны 2 930 тыс. экземпляров талонов на питание в столовых (1 430 тыс. в 1941 г. и 1 500 тыс. в 1942 г.)⁸⁰.

С возвращением из Краснокамска в Ленинград сотрудниками бумажной фабрики «Гознак» в августе 1943 г. был возобновлен выпуск бумаги. До конца года на фабрике было отлито 149 т бумаги с водяными знаками и бумаги для документов⁸². Работники типографии им. Володарского вновь получили возможность для печати карточек использовать бумагу с водяными знаками. Приобретая опыт изготовления карточек, они продолжали привычное дело и после окончания войны. О масштабах выпускаемой ими продукции может свидетельствовать телеграмма, направленная в Ленинградский обком ВКП(б) 18 октября 1946 г. за подписью министра государственного контроля СССР Л. З. Мехлиса, назначенного председателем комиссии ЦК ВКП(б) по проверке карточной системы в Ленинграде. В ней говорилось: «В целях обеспечения строжайшего режима печатания карточек, предполагается ограничить число типографий, в которых они печатаются. В течение трех дней с привлечением специалистов проверьте, можно ли в типографии имени Володарского печатать ежемесячно 37 561 тысячу карточек. Карточки будут печататься на узорной бумаге. Результаты проверки телеграфируйте 22 октября. В телеграмме укажите необходимые мероприятия для перехода с ноября на выпуск указанного количества карточек»⁸³. При этом отметим, что в 1946 г. численность населения Ленинграда составляла 1 млн 541 тыс. человек, то есть была в два раза меньше довоенной⁸⁴.

Доступные сегодня исследователям документы свидетельствуют о том, что изготовлением продовольственных карточек в Ленинграде в чрезвычайных условиях блокады занималась типография им. Володарского, руководство которой сумело так организовать производство, что выполнение важного заказа по печати месячной нормы продовольственных карточек для жителей города осуществлялось в течение 10 дней. Деятельность типографии на всем протяжении войны направлялась партийными и советскими органами через управление издательств и полиграфии и управление по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек исполкома Ленинградского городского Совета. Они контролировали производственный процесс и обеспечивали население карточками, являвшимися важной составляющей в борьбе ленинградцев за выживание в условиях вражеской осады. После прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г. и некоторого улучшения снабжения города продовольствием типография

им. Володарского продолжила изготовление карточек, количество видов которых стремительно увеличивалось.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 14-01-00406.

² *Чернявский У. Г.* Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964; Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968; и др.

³ См.: *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. 2-е изд. СПб., 2004. С. 179–180; *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013. С. 292, 375–378; и др.

⁴ «Блокадные банкеты»: к истории нормированного снабжения Ленинграда в 1942 г. / Публ. О. А. Гавриловой // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Т. 21. СПб., 2015. С. 105–119; *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Эволюция карточной системы в блокадном Ленинграде // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 3–2 (227). С. 193–200; Очерки Юрия Лебедева. «Ромовые бабы» голодного Ленинграда // <http://pavlovsk-spb.ru/primirenie-nad-voynoi/romovie-baby-golodnogo-leningrada.html> (дата обращения: 10.12.2015).

⁵ Авторы выражают признательность за помощь при подготовке статьи своим коллегам: Н. Ю. Черепениной, К. А. Болдовскому и А. С. Коноховой.

⁶ *Орлов И. Б.* Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 37; *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011. С. 91.

⁷ См., например: *Твердюкова Е. Д.* Провизионные билеты железнодорожников: к проблеме легального мешочничества в годы гражданской войны в России // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 69–81; и др.

⁸ О зарождении карточной системы и формах ее проявления см.: *Глейзер М. М., Масгутов Р. Г.* Продовольственные и промтоварные карточки Петрограда – Ленинграда 1917–1947 гг. СПб., 2012. С. 38–63.

⁹ *Твердюкова Е. Д.* «Преступления без жертв»: Уголовно-правовая охрана советской торговли (на материалах предвоенного Ленинграда). СПб., 2010. С. 119–120.

¹⁰ См.: решение Пленума ЦК от 25–28 ноября 1934 г., постановление СНК от 25 сентября 1935 г. Подробнее о нормированном распределении в начале 1930-х гг. см.: *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР. С. 55–73.

¹¹ *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 212.

¹² История «незаконнорожденных карточек» 1936/37 и 1939/41 гг. изложена в работе: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». С. 206–219.

¹³ *Глейзер М. М., Масгутов Р. Г.* Продовольственные и промтоварные карточки. С. 64.

¹⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 3. Д. 15. Л. 32–33.

¹⁵ Там же. Л. 32.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 2. Д. 3778. Л. 7.

¹⁹ Там же. Л. 7–8.

²⁰ Данные о количестве населения в осажденном Ленинграде и его пригородах озвучивал еще Д. В. Павлов, ссылаясь на документы по учету выдачи хлебных карточек в сентябре 1941 г., котловому довольствию (расчетно) и сведениям облисполкома. См.: Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. 6-е изд. Л., 1985. С. 81–82; Черепенина Н. Ю. Демографическая обстановка и здравоохранение в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 34.

²¹ Карточки на продовольственные товары за 1941–1942 гг., представленные в настоящей публикации, хранятся в фондах Государственного музея обороны и блокады Ленинграда. Авторы выражают свою признательность директору музея С. Н. Курносову, его заместителю по научной работе М. Н. Третьяковой и хранителю фондов Ю. Л. Буяновой за возможность демонстрации карточек в данной статье.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 661587. Л. 9.

²³ См. данные Городского управления по учету и выдаче продовольственных и промышленных карточек о «городском контингенте», «областном контингенте», «бескарточном контингенте», а также о составе населения Ленинграда по полу и возрасту: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 6315. Л. 3–13, 62–71. — Свою статистику, предназначавшуюся для НКВД СССР, вело управление НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. См.: Ломажин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. Изд. 2-е. СПб., 2014. С. 263.

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 94. Л. 116.

²⁵ Там же. Оп. 18. Д. 1422. Л. 102–109.

²⁶ Там же. Л. 110–120.

²⁷ Там же. Л. 97.

²⁸ Там же. Ф. 873. Оп. 1. Д. 38. Л. 105.

²⁹ Ленинград в осаде: Сб. док. о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 589.

³⁰ Амосова А. А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014. С. 72–73.

³¹ Ленинград в осаде. С. 192.

³² Там же. С. 223–225.

³³ Черепенина Н. Ю. Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. С. 38.

³⁴ См.: Журнал посещений А. А. Жданова. 1941–1944 гг. / Отв. ред. К. А. Болдовский. СПб., 2014.

³⁵ Берггольц О. Ф. Блокадный дневник: (1941–1945). СПб., 2015. С. 18.

³⁶ Там же. С. 19. — Подробнее об этом см.: Пянневич В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014. 479 с.

³⁷ Берггольц О. Ф. Блокадный дневник. С. 24.

³⁸ Цит. по: Дзенискевич А. Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998. С. 50.

³⁹ Пянневич В. Л. «Люди жили слухами». С. 291.

⁴⁰ Берггольц О. Ф. Блокадный дневник. С. 62.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 42. Л. 236–237.

- ⁴² Там же. Ф. Р-9602. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.
- ⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 830360. Л. 16.
- ⁴⁴ Там же. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 1. Л. 18–19 об.
- ⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-1255. Оп. 11. Д. 307. Л. 4–7.
- ⁴⁶ Там же. Д. 309. Л. 8–9, 46–54. — Еще до войны специалисты-бумажники признавали, что «делового контакта между бумажным производством и полиграфией нет... Те и другие работают обособленно, изолированно...» — См.: Шуссер М. И. улучшить и расширить ассортимент бумаг // Бумажная промышленность. 1941. №4. С. 6.
- ⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-1255. Оп. 11. Д. 309. Л. 9.
- ⁴⁸ Там же. Д. 317. Л. 6.
- ⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4432. Л. 16–17.
- ⁵⁰ Там же. Л. 17.
- ⁵¹ ЭЗГБ–ФГУП «Гознак». История в событиях, фактах, судьбах / Авт. и сост. А. В. Трачук, Н. М. Никифорова. М., 2008. С. 241.
- ⁵² Там же. С. 230.
- ⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4432. Л. 17.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Ленинград в осаде. С. 229.
- ⁵⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 4. Д. 69. Л. 202.
- ⁵⁷ Там же. Л. 168.
- ⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-9602. Оп. 1. Д. 28. Л. 12. — Еще 31 августа 1941 г. в ходе суженного заседания исполкома Ленгорсовета было принято решение отпускать молоко «только для снабжения детских и лечебных учреждений», а на вредных производствах молоко заменять сметаной. — ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 1. Д. 20. Л. 164.
- ⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 2. Л. 14–15.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 6187. Л. 126; Ф. 1728. Оп. 1. Д. 234535. Л. 5.
- ⁶¹ Там же. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 2. Л. 15.
- ⁶² Типография № 2 управления издательств и полиграфии располагалась по адресу: ул. Социалистическая, д. 14. — ЦГА СПб. Ф. Р-9602. Оп. 1. Д. 27. Л. 10.
- ⁶³ Там же. Л. 10 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 10; Д. 28. Л. 12.
- ⁶⁵ Там же. Д. 39, 52.
- ⁶⁶ Там же. Д. 28. Л. 16.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 4. Л. 13–16.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 6187. Л. 125–126.
- ⁷¹ Там же. Л. 125.
- ⁷² *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 году // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 19–20.
- ⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 5935. Л. 1. — При этом важно подчеркнуть, что число жителей города всегда превышало количество выданных карточек. Так, в январе 1943 г. «бескарточный контингент» Ленинграда составлял 31 466 человек. Отдельной строкой в документах той поры значится категория «выбывшие», в которую включались эвакуированные, призванные в РККА, умершие (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 5935. Л. 92;

Д. 5867. Л. 47–48). — Подробнее об этом см.: Черепенина Н. Ю. Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. С. 38–39.

⁷⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 2. Л. 15.

⁷⁵ Любвин Р. Миллионеры блокадного Ленинграда // http://www.infran.ru/vovenko/60years_ww2/mil_spb.htm (дата обращения: 20.01.2016).

⁷⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2 а. Д. 164. Л. 15.

⁷⁷ Там же. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 2. Л. 15.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Д. 7. Л. 21.

⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-9602. Оп. 1. Д. 38. Л. 3 об.

⁸¹ Образцы приводимых в статье продовольственных карточек за январь – февраль 1943 г. отложились в фондах ЦГАИПД СПб. Авторы выражают свою признательность директору архива В. В. Тарадину и сотруднику читального зала Н. В. Быковой.

⁸² ЭЗГБ–ФГУП «Гознак». С. 240.

⁸³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2 в. Д. 7463. Л. 35. — Говоря об ограничении количества типографий, занимающихся изготовлением карточек, Л. З. Мехлис имел в виду территорию СССР в целом.

⁸⁴ Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005. С. 10.

УДК 94(47).084.8

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.203

Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 44–67.

АННОТАЦИЯ: В статье, основанной на широком круге архивных материалов, раскрывается малоизвестная страница истории ленинградской блокады, связанная с изготовлением продовольственных карточек для населения осажденного города. Авторы характеризуют начальный этап функционирования карточной системы в Ленинграде, показывают разнообразие циркулировавших карточек и талонов, олицетворявших систему нормированного снабжения продовольствием. Отмечается, что начальником городского управления по учету и выдаче продовольственных и промтоварных карточек при исполнении Ленгорсовета в 1941–1942 гг. был И. Г. Стожилов. Данное управление не только контролировало производство карточек, но также являлось одним из основных источников для партийных и советских органов при определении численности населения Ленинграда. Существенный авторами анализ документов позволяет говорить о том, что изготовление карточек в Ленинграде началось в спешном порядке уже после нападения Германии на Советский Союз. Эта работа была поручена типографии имени Володарского, которая располагалась в непосредственной близости от Ленинградской бумажной фабрики, занимавшейся производством специальной бумаги. Вопросы, связанные с количеством карточек для населения города, как и сам процесс изготовления ценной продукции, находились под пристальным контролем партийного и советского руководства. В 1942 г. в связи с чрезвычайными условиями, в которых оказался Ленинград, вместо бумаги с водяными знаками для изготовления карточек стала применяться обычная бумага. Последнее обстоятельство способствовало увеличению количества фальшивых карточек. Нередко к этому преступлению оказывались причастны специалисты полиграфического производства. Одновременно фиксировались случаи кражи карточек из цехов типографии, где происходило их изготовление.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: блокада Ленинграда, 1941–1943 гг., продовольственные карточки, типография имени Володарского, И. Г. Стожилов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Гаврилова О. А.* — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); o.gavrilova@spbu.ru | *Ходяков М. В.* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); m.khodyakov@spbu.ru

---

FOR CITATION:

Gavrilova O. A., Khodjakov M. V. **The Manufacturing of Ration Cards in the Besieged City of Leningrad, 1941–1943**, *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. P. 44–67.

ABSTRACT: Based off of a wide range of archival materials, this article reveals a little-known chapter in the history of the Leningrad blockade—the processes involved with the manufacturing of food ration cards for the population of the besieged city. The authors describe the initial phase of the rationing system in Leningrad by showing the diversity of circulating ration cards and coupons which personified the system of rationed food supply. The authors also note that the Leningrad City Soviet Executive Committee's office for the management and allocation of food and industrial goods ration cards during 1941–42 was headed by Ivan G. Stozhilov. The latter office not only controlled the production of the cards, but was also—for the Party and Soviet bodies involved—one of the main sources in defining the size of the city's population. The authors' analysis of documents involved suggests the production of ration cards in Leningrad began hastily after the German attack on the Soviet Union. This work was entrusted to the Volodarskii printing factory located in the vicinity of the Leningrad paper mill which produced the special paper involved. Issues related to the number of cards printed for the city's populations—as well as the very process of manufacturing of these valuable products—were closely controlled by its Party and Soviet leadership. In 1942, because of the economic state of emergency which city lived under, ration cards began to be produced on plain paper instead of paper with water marks. This latter fact contributed to increasing the number of counterfeit cards. Often the specialists of printing factory themselves were involved in this crime. At the same time there were recorded cases of stealing cards from shops of the printing factories, where they were being manufactured.

KEYWORDS: Siege, Leningrad, 1941–1943, ration cards, Volodarsky printing factory, I. G. Stozhilov

AUTHORS: *Gavrilova O. A.* — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); o.gavrilova@spbu.ru | *Khodjakov M. V.* — Doctor of History, Professor, Head of the Modern History of Russia Department, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); m.khodyakov@spbu.ru

REFERENCES:

¹ Chernjavskiy U. G. *Vojna i prodovol'stvie: Snabzhenie gorodskogo naselenija v Velikiju Otechestvennuju vojnu (1941–1945 gg.)* (Moscow, 1964).

² Liubimov A. V. *Torgovlja i snabzhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* (Moscow, 1968).

³ Lomagin N. A. *Neizvestnaja blokada*, Book 1, 2nd ed. (St. Petersburg, 2004).

⁴ Sobolev G. L. *Leningrad v borbe za vyzhivanie v blokade*, Book 1: June 1941 – May 1942 (St. Petersburg, 2013).

⁵ Gavrilova O. A. «Blokadnye bankety»: k istorii normirovannogo snabzhenija Leningrada v 1942 g.' in *Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Vol. 21 (St. Petersburg, 2015).

⁶ Gavrilova O. A., Khodjakov M. V. 'Evoljucija kartочноj sistemy v blokadnom Leningrade', *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Politehnicheskogo universiteta*. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, no. 3-2 (227), 2015.

⁷ Orlov I. B. 'Kartочное снабжение в 1941–1943 гг.: расчёты и просчёты', *Sovremennye problemy servisa i turizma*, no. 3, 2010.

⁸ Tverdyukova E. D. *Gosudarstvennoe regulirovanie trgovli v SSSR (konez 1920-kh – seredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoj analiz* (St. Petersburg, 2011).

⁹ Tverdyukova E. D. 'Provizionnye bilety zheleznodorozhnikov: k probleme legalnogo meshochnichestva v gody grazhdanskoj vojny v Rossii', *Novejšaja istorija Rossii*, no. 1, 2014.

¹⁰ Gleizer M. M., Masgutov R. G. *Prodoval'stvennye i promtovarnye kartochki Petrograda – Leningrada 1917–1947 gg.* (St. Petersburg, 2012).

¹¹ Tverdyukova E. D. «*Prestuplenija bez zhertv*»: *Ugolovno-pravovaja ohrana sovetskoj trgovli (na materialah predvoennogo Leningrada)* (St. Petersburg, 2010).

¹² Osokina E. A. *Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naselenija v gody industrializacii. 1927–1941* (Moscow, 1999).

¹³ Pavlov D. V. *Leningrad v blockade*, 6nd ed. (Leningrad, 1985).

¹⁴ Cherepenina N. Yu. 'Demograficheskaja obstanovka i zdavoohranenie v Leningrade nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny' in *Zhizn i smert v blokirovannom Leningrade. Istoriko-medicinskiy aspekt* (St. Petersburg, 2001).

¹⁵ Lomagin N. A. *V tiskah goloda. Blokada Leningrada v dokumentah germanskih specslužhb, NKVD i pismakh leningradcev*, 2nd ed. (St. Petersburg, 2014).

¹⁶ *Leningrad v osade: Sb. dok. o geroicheskoj oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1944*, Ed. A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 1995).

¹⁷ Amosova A. A. *Predannyj zabveniju: politicheskaja biografija Petra Popkova. 1937–1950* (St. Petersburg, 2014).

¹⁸ *Zhurnal poseshhenij A. A. Zhdanova. 1941–1944 gg.*, Ed. K. A. Boldovskiy (St. Petersburg, 2014).

¹⁹ Berggoltz O. F. *Blokadnyj dnevnik: (1941–1945)* (St. Petersburg, 2015).

²⁰ Pyankevich V. L. «*Ljudi zhili sluhami*»: *Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* (St. Petersburg, 2014).

²¹ Dzeniskevich A. R. *Blokada i politika. Oborona Leningrada v politicheskoj konjunktore* (St. Petersburg, 1998).

²² Shusser M. I. 'Uluchshit i rasshirit assortiment bumag', *Bumazhnaja promyshlennost*, no. 4, 1941.

²³ *EZGB–FGUP «Goznak». Istorija v sobytijah, faktakh, sudbakh*, Comp. A. V. Trachuk, N. M. Nikiforova (Moscow, 2008).

²⁴ Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'Prodoval'stvennaja komissija Voennogo Soveta Leningradskogo fronta v 1942 godu', *Novejšaja istorija Rossii*, no. 1, 2016.

²⁵ Vakser A. Z. *Leningrad poslevoennyj. 1945–1982 gody* (St. Petersburg, 2005).